

16.08.97
Труд.
1997. — 16 авг.
с. 5

"ОНИ НЕ ИГРАЛИ, А СГОРАЛИ В ИСКУССТВЕ"

Валентин Плучек — об Анатолии Папанове и Андрее Миронове

Десять лет назад в жарком августе 1987 года ушли из жизни (почти одновременно, с разрывом в десять дней) эти два удивительных артиста. Сегодня, когда мы продолжаем смотреть фильмы с участием Папанова и Миронова, не устаем поражаться их глубокому знанию человеческой природы, их любви к людям, их потрясающей "заразительности". Всю свою творческую жизнь они проработали в Московском театре Сатиры, который возглавляет патриарх Валентин Николаевич Плучек. Наш корреспондент встретилась с ним и попросила рассказать о том, какими были Анатолий Папанов и Андрей Миронов на сцене и в жизни.

— При жизни мы недооценивали мощь талантов Анатолия Папанова и Андрея Миронова... А ведь они были актерами, поцелованными Богом. У каждого большого художника есть своя тема. Была эта тема и у Папанова, и у Миронова. Их талант вбирал время, его героев, хотя по своим внутренним, духовным устремлениям они были совершенно разные.

У Бориса Пастернака есть такая фраза: "Цель творчества — самоотдача". Так вот, такая неслыханная самоотдача была у Миронова. Он не играл, а сгорал в искусстве. Не мог выйти на сцену, если до того не трепетал за кулисами, не дрожал, как скаковая лошадь, которую долго держат, а потом пускают, и она бежит, бежит и приходит к финишу первой. Андрей вылетал на

сцену, и от него шел пар, искры разлетались в разные стороны, и зал подключался к нему стопроцентно...

У Папанова была такая же колоссальная самоотдача, такая же возбудимость и такая же степень заразительности. Помню, когда поставил "Клопа" Вл. Маяковского, где Папанов играл маленькую роль шафера, и на спектакль пришел Алексей Арбузов, то он сказал: "Это не просто артист, это артист-танк!" Действительно, он всех присутствующих на сцене прямо-таки давил — вспомните хотя бы знаменитую фразу: "Кто сказал "мать"?!"

— А на репетициях Миронов и Папанов не давили на вас как на режиссера?

— Сила этих актеров заключалась в том, что они были талантли-

вы, а таланту противопоказаны дилетантизм, "давление" в быту.

Они были очень целеустремленными людьми в работе, старались все постигнуть до конца, их не волновало, кому первому пришла в голову та или иная идея. Главное для них было, как эту идею реализовать. Я был влюблен как в одного, так и в другого, строил для них репертуар, чтобы они в своих ролях не повторялись. После Фигаро ("Женитьба Фигаро") Миронов сыграл Хлестакова в "Ревизоре", а потом Чацкого в "Горе от ума". Роли, не похожие одна на другую.

— А как они ладили в стенах театра?

— Отношения между ними были уважительными. Хотя поначалу мои старики, в том числе Папанов, ревниво относились к Миронову, потому что видели, как я увлечен им...

— Вы помните свою первую встречу с Мироновым, когда он вошел в театр?

— Пришел толстенький мальчик, откормленный на маменькиных хлебах, окончивший Вахтанговское училище, с явным комическим дарованием. Андрюша показывался комиссии в роли Швейка, и все мы хохотали до слез. Перед нами был готовый мольеровский Скапен. Никто тогда и предположить не мог, что из него вырастет герой-красавец. Однажды, когда я ставил "Дон

Жуан, или Любовь к геометрии" Макса Фриша, где главную роль репетировал Ткачук, — подключился Андрюша... И произошло чудо! Ткачук ушел на второй план, а Миронов стал играть Дон Жуана. Когда в Москву приехал Макс Фриш и увидел спектакль, то сказал, что Миронов может быть лучшим Гамлетом в Европе. Где-то в перспективе я предполагал, что Андрей обязательно сыграет Гамлета. Кинематограф, конечно, обыгрывал его комический дар, но в нем еще сидел и трагический персонаж.

— В жизни Миронов был закрытый человек?

— Он был сложный человек, в то же время — душа общества, радостный, импульсивный. Но внутри у него было такое, чем он ни с кем не делился.

— А Папанов был более добродушным?

— В быту Анатолий Дмитриевич нередко даже производил впечатление хмурого человека. Но на самом деле был очень впечатлительным, ранимым и тонким. Когда нечаянно "под горячую руку" обижал, то потом долго мучился... И успокаивался только тогда, когда его прощали.

В начале пятидесятых годов в театре Сатиры Папанова не считали одаренным артистом. Но постепенно от одного эпизода к дру-

● А.Миронов и А.Папанов в спектакле "Ревизор".

гому — стал расти на наших глазах. Все ахнули, когда в "Дамокловом мече" он блистательно сыграл Боксера, а пришедший на спектакль Константин Симонов сказал: "Вот таким должен быть генерал Серпилин!" Так с фильма "Живые и мертвые" началась кинематографическая карьера Папанова.

Будучи по-настоящему русским артистом, он в своих ролях олицетворял национальный характер. Одной из его лучших работ в театре была роль Теркина в спектакле "Теркин на том свете". Александр Твардовский в нем души не чаял. Он так достоверно играл, что казалось, от его гимнастерки потом пахнет. Ведь Папанов прошел войну, был ранен. Другой ипостасью национального характера был Городничий, воплощающий хамскую дремучесть России, ее необузданную силу...

— Как художественный руководитель театра вы ревновали Папанова и Миронова к кино?

— И да, и нет. Кино давало им популярность, известность, но если они не встречались с хорошими

кинорежиссерами, то их талант эксплуатировали, в чем-то заштамповывали. Театр же постоянно держал в форме, заставлял думать, экспериментировать.

И если бы они так рано не ушли из жизни, то уверен, все мы стали бы свидетелями еще более грандиозных работ. Когда они умерли, мне казалось, что и я умер как режиссер, потому что вместе с ними ушли мои главные спектакли, все то лучшее, что создавал в течение трех десятилетий. Мне казалось, что больше не надо придумать в коллективе, потому что большой корабль театра Сатиры так сильно накренился, что скоро пойдет ко дну... Но вот уже прошло десять лет. В театр пришло много новых артистов, молодежи. Конечно, они никогда не заменят ни Анатолия Папанова, ни Андрея Миронова — у них своя судьба. Театр жив, и я думаю, если они там наверху это видят, то радуются, потому что это был их дом.

Беседу вела
Любовь ЛЕБЕДИНА.

Папанов Анатолий